

Моральная экономика: эволюция и проблемное поле

Р. С. Сашеко,
аспирант,
Белорусский государственный университет

В последние десятилетия XXI в. в экономической науке оформляются и заявляют о себе тенденции, которые отражают, с одной стороны, ряд противоречий в самой экономической теории, а с другой – кризис экономической науки. Как справедливо отмечает российский экономист Е. В. Балацкий, в современной экономической теории наблюдается усиливающийся перекос в сторону математической формализации экономического знания [1, с. 142–143]. Математический инструментарий в качестве онтологии экономического мейнстрима обеспечил экономической науке статус «социальной математики». Такой инструментально-технологический характер экономического анализа подменяет сущность социальных явлений на их математическое описание, в результате складывается отношение к экономике как к механизму, а не как к организму, что приводит саму экономическую науку к «малорезультативности» и «оторванности» от реальных социальных проблем (неравенство распределения ресурсов, проблема бедности, голода и др.).

По мере развития экономического знания роль этико-философского фундамента, на котором длительное время выстраивались социально-экономические отношения, существенно уменьшилась. Ослабление этического подхода в экономике связано с господством позитивной методологии в экономической науке, которая избегала нормативного анализа и, как результат, привела к игнорированию морально-нравственного компонента, оказывающего немаловажное влияние на реальное экономическое поведение людей. О кризисном состоянии экономической теории, в частности о разрыве экономики с этикой, размышляли многие экономисты XX в. Так, благодаря исследованиям Дж. М. Кейнса, Ф. Хирша, К. Эрроу, А. Сена и других утвердилось понимание, что экономика без нравственности, в том числе отсутствие нравственной оценки экономики, смертельно опасна для общества. Этико-ориентированный компонент, направленный на мотивацию и социальные достижения, должен занять важное место в современной экономической теории, а сама этика должна стать импульсом к развитию экономики. Осознание приоритета этических установок признается важнейшим фактором в регулировании экономической системы, а экономическое благополучие планетарного социума должно базироваться не столько на увеличении объема ресурсных циклов, сколько на интенсификации духовной составляющей общественного бытия. Ввиду этого особую актуальность приобретает исследование программы моральной экономики.

В контексте объективных трансформаций глобализирующегося мира в сфере материально-экономических и финансовых отношений особое внимание экономистов, методологов и многих представителей социогуманитарного знания уделено проблеме морального фактора в экономике. Сегодня уже совершенно очевидно, что от А. Смита и до начала XX в. господствовавший образ экономической науки как науки «о природе и причинах материального богатства» и «отношениях людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ» не вполне соответствовал ее истокам и генезису [2, с. 186–189].

В академический дискурс понятие «моральная экономика» вошло благодаря работе британского историка-марксиста Э. П. Томпсона (1924–1993) «Моральная экономика низших слоев английского населения в XVIII веке» (1971), в которой анализируются сущность и причины продовольственных волнений в Англии XVIII в. Автор отмечает, что социальная напряженность в этот период возрастала в результате интенсификации процессов урбанизации, поскольку крестьянство как социальная группа оказалось выброшенным за пределы натурального типа хозяйствования в хозяйство денежное и, как результат, начало активно выступать против нового экономического уклада. Анализируя социальные волнения, известные

в истории как «хлебные бунты», Э. П. Томпсон пришел к выводу, что основной причиной указанных явлений было то, что новая экономическая система противоречила традиционным социальным нормам. По мнению исследователя, традиционные социальные нормы и представления о хозяйственных функциях и обязательствах членов общества выступали ключевым механизмом смягчения социального неравенства. Совокупность всех перечисленных представлений и норм Э. П. Томпсон называет «моральной экономикой бедноты» [3, с. 95–100]. «Городской беднотой» XVIII в. новый экономический уклад, связанный с ограничением патерналистских функций государства и утверждением принципа «laissez faire», воспринимался без особого сопротивления. Однако в те годы, когда условия были неблагоприятными (в неурожайные годы) и для бедных слоев населения вставала проблема выживания, нарушение принципов моральной экономики, связанной с производством, распределением и торговлей, приводило к возмущениям и волнениям против безнравственности новой экономической системы, вызвавшей лишения и голод. Легитимность на восстание оправдывалась принципами моральной экономики – системы представлений о том, как должно быть. Таким образом, концепцию моральной экономики Э. П. Томпсона следует рассматривать как экономику, в которой материально-производственные факторы уравниваются моральными императивами с целью достижения социальной справедливости, равенства и благополучия.

В отечественную экономическую науку понятие «моральная экономика» было введено виднейшим ученым «золотого века» экономической науки в России, представителем организационно-производственной школы А. В. Чаяновым (1888–1937). Базисом исследований у него выступала особая социально-экономическая общность – семейно-крестьянское хозяйство. Интерес ученого в первую очередь был направлен на выявление особенностей и специфики функционирования, организации и развития сельскохозяйственного производства в России, а также на исследование культуры семейно-крестьянского труда.

В статье «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» (1924) А. В. Чаянов отмечал, что политическая экономия для объяснения всех экономических явлений использует исключительно категории капиталистического хозяйственного уклада, в то время как обширная область хозяйственной жизни, а именно аграрная сфера производства, в ее большей части строится не на капиталистических, а на особых мотивах хозяйствования, которые не всегда вмещаются в рамки классической экономической теории [4, с. 114]. Такие особые мотивы как раз и присущи некапиталистическим экономическим системам – крестьянским хозяйствам. Автор обосновал позицию, согласно которой в основе сельскохозяйственного производства лежит особое отношение крестьян к земле

и собственному труду. Для характеристики такого отношения А. В. Чаянов использовал понятие «моральная экономика», под которой понимал своеобразную систему целей, ценностей, норм и мотивов трудовой деятельности крестьянской семьи как прообраза «трудовой артели».

С точки зрения А. В. Чаянова, труд крестьянских хозяйств в своей сущности не является предпринимательской деятельностью, поскольку производство, хранение, переработка и реализация сельскохозяйственной продукции тесно связаны с удовлетворением базовых витальных потребностей: в здоровой пище, одежде, стабильности, в отсутствии страха потери рабочего места и средств к существованию. Жизнь крестьянина, по его мнению, наиболее разнообразна и здорова, поскольку представляет собой «естественное состояние человека», а само крестьянское хозяйство – совершеннейший тип хозяйственной деятельности, в которой человек противопоставлен природе, а труд создает новые формы бытия. Каждый работник – творец, каждое проявление его индивидуальности – искусство труда.

А. В. Чаянов вывел универсальную формулу, определяющую объем производства сельскохозяйственной продукции: «Поскольку основным стимулом хозяйственной деятельности трудовой семьи является необходимость удовлетворить потребности ее едоков, а главнейшим средством к этому – ее рабочие руки, мы должны прежде всего ожидать, что объем хозяйственной деятельности семьи количественно в той или иной мере будет соответствовать этим основным элементам семейного состава» [4, с. 130]. Из этого следует, что потребности каждого члена семьи и численный состав этой семьи в конечном счете и определяют объем производства.

Таким образом, ученый доказал, что крестьянский труд нацелен не на получение прибыли, а на доставление средств существования его членам. Анализируя историческую динамику семейно-крестьянских хозяйств, А. В. Чаянов подошел вплотную к построению теории хозяйств архаичной структуры, не описываемой в категориях классической политической экономии, и выявил, что социально-экономический и культурный уклад семейно-крестьянских хозяйств основан на ценностях, чуждых предпринимательству, благодаря его близости к земле и тесной связи с природными ритмами жизни, традициями добрососедства и взаимопомощи.

Этико-ориентированная традиция была господствующей в воззрениях американско-канадского экономиста и антрополога К. Поланьи (1886–1964). В пределах экономической антропологии исследователь выделил особое методологическое направление – субстантивизм. В работе «Великая трансформация» (1944) он обосновал, что в домашнем хозяйстве доминирует не экономика «рационального калькулирования», а субстантивная экономика, связанная

с удовлетворением жизненно необходимого для человека. При субстантивной экономике действия хозяйствующего субъекта обусловлены существенно иными стимулами и мотивами, нежели конвенциональная максимизация прибыли. При данной экономической системе человек руководствуется стратегией выживания, которая не сводится к собственному эгоистическому интересу – она включает интересы выживания и благосостояния ближних. В своих экономико-антропологических исследованиях К. Поланьи приходит к выводу, что экономическое поведение в дорыночных обществах является социально укорененным действием, встроенным в социальные отношения. Исходя из этого стоит отметить, что субстантивная экономика предстает как моральная экономика, где хозяйственные расчеты подкрепляются нормативными ожиданиями и неформализованными представлениями о социальной ответственности [5].

В традиционных обществах, отмечает К. Поланьи, экономика подчинена обществу, т. е. встроена в социальные отношения. Однако на этапе появления типа хозяйствования, основанного на системе ценообразующих рынков, универсальными законами человеческого поведения стали рыночные механизмы, в результате наблюдается другой эффект – социальные отношения оказываются встроены в экономику. По мнению экономиста-антрополога, намеченная тенденция не продлится долго. Причину этого он видел в главном противоречии рыночной системы: с одной стороны, для эффективного функционирования данная система требует наличия моральных и нравственных факторов, с другой стороны, она разрушает те самые факторы, унаследованные от предшествующих социально-экономических систем, и способствует фрагментации общества и его нестабильности [5, с. 116–118].

Наиболее широкое распространение концепция моральной экономики получила благодаря работам американского историка, антрополога, экономиста и политолога Дж. Скотта (р. 1936). В 1970–1980-х гг. он, используя метод включенного наблюдения, изучал эволюцию властных отношений в докапиталистических крестьянских сообществах Юго-Восточной Азии: в Индонезии, Вьетнаме, Бирме и Малайзии. В своих исследованиях колониальной истории Юго-Восточной Азии автор пришел к выводу, что главным социальным идеалом, лежащим в основе большинства технических, социальных и моральных приемов докапиталистического аграрного строя, является принцип «прежде всего безопасность», или «моральная экономика выживания», понимаемая как безопасное существование, предотвращающее голод. Данный принцип в концепции Дж. Скотта противопоставляется максимизационной стратегии поведения «*homo economicus*», доминирующей в неоклассической экономической теории, а также «предпринимателю-новатору», главным побудительным мотивом для которо-

го, по определению Й. Шумпетера, служит прибыль. В концепции «моральной экономики», по замечанию Дж. Скотта, повседневные особенности экономического поведения сельских жителей труднопостижимы с позиции классической экономической теории, поскольку крестьяне являются теми социальными агентами, которые не склонны к риску, предпринимательский азарт и извлечение прибыли для них отходят на второй план (кроме ситуаций, которые несут потенциальную угрозу физическому существованию членов сообщества), а ключевым принципом экономического поведения выступает стратегия «главное – выжить» [6, с. 202–210].

В работе «Моральная экономика крестьян» (1976) Дж. Скотт отмечает, что в традиционных обществах существует достаточно сложная сеть экономических, социальных и личностных отношений, благодаря которым эти сообщества выработали эффективные механизмы выживания. Главный из них – неписанный этический закон, согласно которому смерть от голода может угрожать отдельному представителю сообщества только в том случае, когда она угрожает всем его членам. По словам автора, в таких сообществах в целях обеспечения жителям минимального дохода может осуществляться периодическое перераспределение общинной земли в соответствии с потребностями, богатые крестьяне оказывают помощь временно нуждающимся родственникам и другим членам общества. По мнению автора, такие приемы не являются радикально уравнительными, они скорее подразумевают только то, что все имеют право на минимальный прожиточный минимум, даже если потребуется перераспределение ресурсов. В противном случае, как отмечает Дж. Скотт, оставленные без поддержки бедные слои населения могут стать реальной угрозой для зажиточных хозяев и, как следствие, лишиться их статуса и самостоятельности. В своих выводах Дж. Скотт ссылается на исторические и этнографические данные К. Поланьи, который заключает, что подобная практика перераспределительных механизмов свойственна почти всем традиционным обществам, а отсутствие угрозы индивидуального голода делает примитивные общества в определенном смысле более гуманными, чем рыночная система, но в то же время и менее эффективными в экономическом отношении. Обеспечение гарантий выживания не ограничивается лишь сельской общиной, оно также включает моральную экономику отношения к властным элитам и государству [7, с. 108–109].

Опираясь на исследования К. Поланьи, Э. П. Томпсона, А. В. Чаянова, Дж. Скотт выводит собственную концепцию моральной экономики, ключевые положения которой можно свести к следующим принципам:

1) стремление к гарантии минимального прожиточного минимума через механизмы перераспределения ресурсов и, как следствие, сведение к минимуму риска голода, что, в свою очередь, в мировоззрении

традиционных общин является экономической справедливостью;

2) концентрация ресурсов считается допустимой только с целью их экономического потребления, а инвестирование этих ресурсов в рискованные проекты недопустимо (автор объясняет это тем, что исследуемые общества постоянно балансировали на грани голода);

3) склонность к инновациям у крестьян проявляется лишь в тех случаях, когда имеются гарантии от риска на случай всеобщего голода;

4) в случае угроз голода выработана стратегия мер выживания: от элементарных ограничений и экономики до переключения на мелкое ручное производство, торговлю, отхожий промысел;

5) опыт разделения риска внутри общины создает почву, на которой «произрастают» обычаи и моральные нормы, в соответствии с которыми происходит оценивание как собственных действий, так и действий окружающих. Суть этих норм – в жестком понимании равенства, подчеркивающим справедливость и необходимость минимума земельных ресурсов;

6) крестьяне смиренно отдают часть своей продукции государству, арендодателям, но только до тех пор, пока не возникнет угроза существованию крестьянских семей. Притязания на крестьянские доходы со стороны помещиков, ростовщиков, государства никогда не признавались законными, если они распространялись на то, что считалось минимальным культурно зафиксированным уровнем существования, жизненно необходимым крестьянской семье. Сельской общиной это расценивалось как насилие над установленными моральными нормами, что в результате приводило к возмущениям, бунтам и сопротивлениям;

7) экономическое и социальное неравенство должно оправдываться благородством и порядочностью богатых, чей моральный долг – продуктивная помощь и поддержка неимущих.

Существенный вклад в развитие концепции моральной экономики внес американский экономист-неомарксист С. Боулз (р. 1939). В работе «Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан» (2016) автор попытался переосмыслить модель «*homo economicus*» и понятие моральной экономики, столь востребованное в экономической антропологии и социальной истории XX в. С. Боулз обличил модель «*homo economicus*» в концептуальной несостоятельности, поскольку она вытесняет этические и альтруистические мотивы в человеке, словно подталкивая экономического субъекта к эгоистическим и аморальным действиям. Данная модель не описывает людей такими, какие они есть на самом деле. Так, определение «*homo economicus*», данное Дж. С. Миллем, как «существа, которое желает обладать богатством» (мотивировано эгоистическим интересом), автор считает «удобной, но эмпирически неверной абстракцией», поскольку не учитываются

цели, привычки, убеждения, а главное – моральные качества, которые определяют и ограничивают действия человека [8, с. 12–14]. Так, С. Боулз отстаивает позицию, что модель «*homo economicus*», на которой базируется система современных экономических знаний, не может и не должна брать за основу при разработке законов, выборе политического и экономического курса или создании деловой организации. Предпочитаемые экономистами меры (детализированные права собственности, продвижения рыночной конкуренции, большего использования денежных стимулов) нередко размывают этические и социальные мотивы, принуждая людей принимать «рыночную ментальность», в результате чего подрываются ценности «гражданской культуры», побуждающие действовать во благо общества, а также разрушают нормы, жизненно необходимые для функционирования и самих рынков (например, взаимное недоверие приведет к потере выгод для всех сторон сделки). В защиту своей позиции автор приводит ряд эмпирических данных. Так, поведенческие эксперименты показали, что этические и альтруистические мотивы распространены во всех обществах, но иногда вытесняются стимулами, апеллирующими к материальному интересу (штраф за опоздание родителей за детьми в детский сад увеличивает, а не сокращает долю опаздывающих, потому что играет роль цены за опоздание и подрыв этических обязательств) [9, с. 165–183]. Автор приходит к выводу, что общественно ориентированные предпочтения, такие как альтруизм, реципрокность (альтруистическая взаимность), внутренняя удовлетворенность от помощи другим, внезапная абсолютная щедрость, неприятие неравенства, этические обязательства и прочие мотивы побуждают людей помогать другим в большей степени, чем это совместимо с максимизацией их собственного богатства или материального выигрыша, даже в тех ситуациях, когда это сопряжено с издержками [8, с. 116–117].

Моральная мотивация выбора в пользу общества может быть не менее действенной, чем экономическая, эксплуатирующая эгоистический выбор. Автор предлагает отказаться от парадигмы, отводящей приоритетное значение экономическим стимулам, и взять на вооружение модель синергии стимулов/ограничений и этических/альтруистических мотивов, основанную на эмпирически обоснованном подходе к «людям как они есть». По мнению экономиста, этические и альтруистические мотивы всегда были неотъемлемой частью хорошо управляемого общества, а в будущем они должны стать еще более значимыми.

Профессор Хартфордширского университета Дж. М. Ходжсон в работе «От машин удовольствия к моральным сообществам: эволюционная экономика без *Homo Economicus*» (2013) охарактеризовал «*homo economicus*» как индивида с поверхностными ценностями, недостаточной нравственностью и чувством долга – «машинной удовольствия» [10, с. 45–48].

Современная экономическая наука должна отказаться от модели экономического человека, на смену ей должен прийти не индивид, а моральные сообщества, которые зависят от ограничений и обязательств и превосходят расчет индивидуальной полезности. Моральная экономика, по определению Дж. М. Ходжсона, должна воплощать в себе нормы морали и нравственности, а также чувства ответственности и прав отдельных лиц и организаций по отношению к другим. Моральная экономика, по мнению автора, – базис, лежащий в основе построения и развития универсальной модели взаимосвязи экономических и ценностно-нормативных систем [10, с. 56].

Таким образом, обозначенный ракурс исследования лишь вырисовывает новое пространство идей и смыслов, призванных сформировать методологические приоритеты экономической науки в XXI в. На современном этапе моральную экономику следует рассматривать как одну из альтернатив доминирующей в западных странах неолиберальной экономической политики. Речь идет не о пересмотре предметного содержания экономической науки, а, напротив, о возвращении к утраченным нравственным истокам, ведь экономическая наука появляется из моральной философии. В античной культуре были впервые продемонстрированы и обоснованы принципы экономического знания, которые по праву оцениваются как исторически первые образцы экономической науки. Концепция моральной экономики основывается на таких установках, как справедливость, равенство, благосостояние и удовлетворение базовых потребностей для жизнедеятельности. В современном мире основные принципы моральной экономики могут быть взяты за основу при организации и преобразовании экономической системы на основе моральных рыночных сил относительно роли государства в сглаживании экономического и социального нера-

венства и относительно социальной ответственности бизнеса.

Список использованных источников

1. Балацкий, Е. В. За пределами экономического империализма: преодоление сложности / Е. В. Балацкий // *Общественные науки и современность*. – 2012. – № 4. – С. 138–149.
2. Барсук, И. А. К проблеме взаимосвязи этики и экономики / И. А. Барсук // *Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч. конф.* – 2021. – Т. 3. – С. 186–189.
3. Thompson, E. P. *The Moral Economy of the English Crowd in the XVIII Century* / E. P. Thompson // *Past & Present*. – 1971. – Vol. 50, iss. 1. – P. 76–136.
4. Чаянов, А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные произведения / А. В. Чаянов // *К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства*. – М.: Экономика, 1989. – 492 с.
5. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени: пер. с англ. / К. Поланьи; под ред. С. Е. Федорова. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
6. Скотт, Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания / Дж. Скотт // *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире* / под ред. Т. Шанина. – М.: Прогресс, 1992. – С. 202–210.
7. Кондратик, Л. Концептуализация понятий «моральная экономика» и «экономическая мораль» в исторической и социологической науке / Л. Кондратик // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2008. – № 2. – С. 103–117.
8. Троцук, И. В. «Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике / И. В. Троцук // *Крестьяноведение*. – 2017. – Т. 2, № 4. – С. 160–183.
9. Боулз, С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / С. Боулз; пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 336 с.
10. Hodgson, G. M. *From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo Economicus* / G. M. Hodgson. – Chicago and London: The Chicago University Press, 2013. – 328 p.

Аннотация

Статья посвящена выявлению теоретических истоков, эволюции и перспективам моральной экономики на современном этапе развития экономической науки. Отмечается, что в контексте объективных трансформаций глобализирующегося мира в сфере материально-экономических и финансовых отношений особое внимание экономистов, методологов и многих представителей социогуманитарного знания обращено на проблему морального фактора в экономике. Разрыв между экономикой и этикой, начавшийся в XVIII в., способствовал превращению рыночных отношений во всеохватывающую капиталистическую экономическую систему с господствующей ролью в организации экономики механизма рыночных цен и денег. Важность и необходимость морального контекста в экономике обосновывается в исследованиях теоретиков моральной экономики как альтернативного направления ортодоксальной экономической науки (Э. П. Томпсона, А. В. Чаянова, К. Поланьи, Дж. Скотта, С. Боулза).

Abstract

The article is devoted to identifying the theoretical origins, evolution and prospects of moral economics at the present stage of economic science development. It is noted that in the context of objective transformations of the globalizing world in the sphere of material, economic and financial relations, the special attention of economists, methodologists and many representatives of socio-humanitarian knowledge is associated with the problem of the moral factor in the economy. The gap between economics and ethics, which began in the XVIII century, contributed to the transformation of market relations into an all-encompassing capitalist economic system with a dominant role in the organization of the economy of the mechanism of market prices and money. The importance and necessity of the moral context in economics is justified on the basis of research by theorists of moral economics as an alternative direction of orthodox economics: E. P. Thompson, A. V. Chayanov, K. Polanyi, J. Scott, S. Bowles.